

ИЗДАТЕЛЬСТВО “АЛКОНОСТ”: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ НАЗВАНИЯ*

© 2008 г. М. Л. Спивак

В статье анализируется семантика названия издательства “Алконост” (1918–1923). Показано, что издатель (С. Алянский), художник (Ю. Анненков) и авторы давали различную интерпретацию названия издательства с самого начала существования “Алконоста”. Особое внимание уделяется анализу издательской марки “Алконоста” работы художника Ю. Анненкова (1918) и влиянию на него картин художника В. Васнецова “Сирин и Алконост” (1896), “Гамаюн” (1895).

The article is concerned with the problem of the semantics of the name of publishing house “Alkonost” (1918–1923). It shows that since the very beginning the publisher (S. Alianky), the artist (Yu. Annenkov) and the authors interpreted the image of Alkonost, a bird of Paradise, differently. Particular attention is paid to the trademark of the publishing house designed by Annenkov in 1918 and the influence that of V. Vasnetsov’s painting (“Sirin and Alkonost”, 1896; “Gamajun”, 1895) had on Annenkov’s work.

1.

Работа последнего символистского издательства “Алконост” (1918–1923), выпустившего за пять лет своего существования 58 книг и в том числе 6 номеров знаменитого альманаха “Записки мечтателей” (1919–1923), становилась предметом изучения не единожды [1–5]. Вместе с тем, вопрос о семантике названия и издательской марки до сих пор не был еще объектом специального анализа.

Недостаточное внимание к этой, как мы покажем, важной проблеме во многом является следствием того, что главным источником информации о деятельности издательства были и до сих пор остаются воспоминания основателя и владельца “Алконоста” Самуила Мироновича Алянского (1891–1974). А в них проблема названия не только не акцентируется, но и, можно сказать, заглаживается.

“Встречи с Александром Блоком”, вышедшие в 1969 г. [6] и переизданные в 1972 г. [7], являются, безусловно, замечательным памятником мемуарного жанра, однако при их использовании нельзя не учитывать как специфики времени публикации книги, так и специфики выпустившего ее издательства: оба раза книгу печатало издательство “Детская литература”¹, ориентированное, в основном, на советского школьника. Отсюда и занимательность мемуаров, и их откровенный “блокоцентризм” (ведь в 1960-е гг. из авторов

“Алконоста” только Блок входил в школьную программу), и очевидные для исследователя минусы: воспоминания, мягко говоря, не перегружены фактами, полны (опять-таки по понятным причинам) умолчаний, туманных намеков и даже, как показано в работе М.М. Глейзера, вопиющих ошибок, объясняемых, как кажется, не столько забывчивостью, сколько осторожностью мемуариста [1, с. 14–16].

О том, как возникло издательство “Алконост”, говорится в двух главах книги. Алянский сначала подробно рассказывает, как он вместе с гимназическим товарищем В.В. Васильевым открыл в послереволюционном Петрограде книжную лавку и как успешно пошла торговля книгами писателей-символистов, из которых особым спросом пользовались произведения Блока. В этой связи у молодых предпринимателей возникла идея попросить у самого Блока его старые книги для реализации, ежели таковые остались. Однако уже во время первого визита к поэту Алянский “неожиданно выпалил свое сожаление, что группа символистов распалась” [6, с. 33], и “безудержно понесся развивать свою идею-импровизацию”, над которой, по словам мемуариста, он “до того и не думал”: “Продолжая фантазировать, я заговорил о том, что символистам хорошо бы объединиться вокруг своего журнала, организовать свое издательство” [6, с. 34]. А через несколько дней Алянский получил от Блока «несколько листочков бумаги, на которых аккуратно были наклеены вырезанные из газеты столбцы набора поэмы “Соловьиный сад”» [6, с. 43], – для того чтобы выпустить поэму отдельной “маленькой книжечкой” [6, с. 42].

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-ННИС (DFG) 060492105 A/D (История становления самосознющей души Андрея Белого: текстология, комментарий, контекст).

¹ Несколько мемуарных фрагментов были опубликованы также в журналах, сборниках, альманахах [8–10 и др.].

“Трудности обступили меня со всех сторон, – вспоминал будущий издатель, настойчиво подчеркивая свою обескураженность и неопытность. – Как назвать издательство? Кому заказать марку? Как оформить первую книгу?”. Далее следовал энергичный рассказ о том, как эти и другие трудности были преодолены. О выборе названия говорится очень лаконично: «Название “Алконост” придумали вместе с Васильевым, художника для марки решили пригласить Юрия Анненкова, нашего товарища по гимназии» [5, с. 45]. Главным для мемуариста является то, что уже через две недели три тысячи экземпляров поэмы поступили в продажу.

Примечательно, что в устном рассказе Алянского, записанном с его слов И.А. Черновым, об этом же эпизоде говорится несколько иначе: «Встал вопрос о названии издательства, и после долгих <...> размышлений ему дали имя “Алконост”» [2, с. 530].

То, что название издательства было придумано “после долгих размышлений”, кажется более вероятным: ведь выбор названия для открывающегося предприятия, призванного к тому же объединить весьма искушенных в отношениях с издательствами символистов, – дело крайне ответственное.

К сожалению, Алянский ни слова не написал о том, в каком русле шли “долгие размышления”, какие варианты названия предлагались и отменялись, почему выбор остановился на “Алконосте” и, наконец, какие мотивы сыграли решающую роль при принятии решения. Напротив того, он изо всех сил подчеркивал случайности в цепи событий, приведших к возникновению издательства, умалял собственную идеологическую и организационную роль в происходящем, пытался представить себя простачком и даже невеждой. Особенно неубедительно этот образ простачка и невежды выглядит в сцене разговора с Вячеславом Ивановым, касавшегося, в частности, и интересующей нас проблемы названия издательства:

«Я объяснил, что я издатель “Соловьиного сада” и что мне хотелось бы получить для издательства стихи или прозу Вячеслава Иванова.

И опять острый взгляд кольнул меня. Он неожиданно спросил:

– Скажите, а почему “Алконост” вы печатаете с мягким знаком?

Что мог я ответить? Шут его знает почему. Я никогда не думал над этим вопросом; вероятно, где-нибудь так было напечатано, пытался я вспомнить. Но я молчал.

Вячеслав Иванов пришел мне на помощь²: он объяснил, что мягкий знак в этом слове употреблять не следует, что слово это имеет такое-то происхождение (а какое – не помню), и рассказал несколько легенд о вещах птице Алконоста. С раскрытым ртом я как зачарованный слушал эти интереснейшие легенды» [6, с. 55].

И действительно, если верить автору воспоминаний, получается, будто он и впрямь не знал ни значения слова “Алконост”, ни рецепции этого образа в русской традиции, ни даже написания слова – то есть выбрал название для издательства в состоянии бессознательном, на основе интуитивно понравившихся ему сладких созвучий. Все это кажется маловероятным, если даже исходить из самых общих соображений, и уж вовсе неправдоподобным, если учитывать, что с 1908 г. Алянский работал в библиотеке знаменитого петербургского коллекционера и библиофила Левкия Ивановича Жевержеева, занимаясь, кстати, не стиранием пыли с корешков, а научным описанием и составлением картотеки [6, с. 11–12]. Так что говорить о малокультурности Алянского вряд ли приходится. Что же касается его неграмотности³ и – как следствие – якобы допущенной им в названии издательства орфографической ошибки, то и здесь не все так просто, как считают авторы ряда работ⁴.

Самые разные варианты написания слова и допускались, и практиковались: Алконост, Алконос, Алканост, Алкион, Алькион, Альконост и др. “Альконост” с “Алконостом” существовали фактически на равных правах даже в языке образованного сословия. Так, уже после изъятия мягкого знака из названия издательства многие по-прежнему упорно продолжали звать Алянского Альконостом. Среди них были В.Э. Мейерхольд (запись в юбилейном альбоме Алянского, сделанная в марте 1919 г.⁵), М.И. Цветаева (например, в

² В журнальном варианте воспоминаний Алянский еще более акцентировал свою беспомощность: “Но я молчал, как школьник, который не выучил урока. А Вячеслав Иванов, как добрый учитель, пришел мне на помощь <...>” [8, с. 172].

³ Стоит отметить, что предметом гордости Алянского-гимназиста была пятерка по русскому языку [6, с. 31].

⁴ Ср.: «Вследствие малой общей культурности обоих издателей в то время слово “Алконост” было напечатано с мягким знаком – “Альконост”. Только после разъяснения Вяч. Иванова название издательства стали правильно печатать» [1, с. 14]; «И в июне 1918 г. первая книга “Алконоста” вышла в свет (правда, под маркой “Альконост”. Затем ошибка в написании была исправлена, по указанию Вяч. Иванова, и все остальные книги вышли под маркой “Алконоста”») [2, с. 531].

⁵ “О, Альконост! Один из мечтателей бережет свои силы, чтобы как можно скорее дать хоть две странички своих записок самому энергичному из издателей – Самуилу Миновичу Алянскому для задуманных дневников. В. Мейерхольд. 1 марта 1919” [1, с. 21]. Этот и другие альбомы С.М. Алянского хранятся в Государственном историко-литературном и природном музее-заповеднике А.А. Блока в Шахматово.

письме к В.В. Рудневу от 5 июля 1934 г.⁶, а также в “Сводных тетрадах” [12, с. 68–69]), Б.А. Пильняк (например, в письме к М.М. Шкапской от 16 сентября 1921 г.⁷). Показательно, что даже Блок, курировавший первые шаги начинающего издателя, не только не обратил внимания на эту якобы ошибку, но и без смущения воспроизвел ее в дарственной надписи на только что вышедшем “Соловьином саде”: «Самуилу Мироновичу Алянскому с искренним пожеланием успеха издательству “Алконост”. Александр Блок. VII 1918» [3, с. 17–18].

Думается, что речь в данном случае должна идти не об орфографической ошибке Алянского, но о различных способах передачи иноязычных слов, а также – о лингвистических убеждениях и предпочтениях Вячеслава Иванова. Естественно, что в этом вопросе перевесил авторитет Иванова, специалиста по античности и поэта, в сотрудничестве с которым молодой издатель был крайне заинтересован...

Маловероятным кажется и то, что Алянский не предполагал, будто слово “Алконост” “имеет такое-то происхождение”, и ничего не слышал про “интереснейшие легенды” об Алконосте. Безусловно, Вячеслав Иванов и в мифологии, и в этимологии был гораздо более сведущ, чем Алянский, а также Блок, Белый и все другие литераторы “Алконоста”. Несомненно, Иванов мог рассказать много такого, что Алянский не знал и что поразило его воображение. Но столь же несомненно, что образ издателя-невежды, нарисованный Алянским в мемуарах, не соответствовал действительности и что название для издательства было выбрано со смыслом, в мемуарах не раскрытым, можно сказать, утаенным... Эту лакуну мы и постараемся заполнить.

2.

Когда в работах, посвященных “Алконосту”, речь заходит о семантике названия, объяснение обычно ограничивается стандартной отсылкой к “Краткой литературной энциклопедии”, где в статье об издательстве Алянского сообщается, что

⁶ «Вам (С<овременным> З<апискам>) мой Блок не подойдет, ибо там много о втором его мнимом сыне, в <ото>го я так поверила, что посвятила ему целый цикл стихов (“Стихи к Блоку”, Берлин, <19>22 г.) и рассорилась из-за него с “Алконостом” – тогда же» [11, с. 451]. Примечательно, что авторы комментариев к письму, вслед за исследователями жизни и творчества Алянского, тоже исправляют “ошибку”, якобы допущенную М.И. Цветаевой, невольно уличая и ее в неграмотности: «Алконост – издательство “Алконост” (1918–1923). Первая книга издательства “Алконост”, вышедшая в июне 1918 г. (А. Блок. “Соловьиный сад”), имела гриф “Алконост”. В последующих изданиях ошибка была исправлена».

⁷ «Весной Ремизов говорил мне, что Алянский (“Алконост”) взял бы у меня – для маленькой книжечки...» [13, с. 129].

Алконост – сказочная птица с человеческим лицом [14, стб. 159], а также (в связи с происхождением образа) указанием на миф об овдовевшей Алкионе, бросившейся с горя в морскую пучину и превращенной сострадательными богами в птицу-зимородка [1, с. 13; 2, с. 530; 3, с. 16].

Очевидно, что допущение, будто начинающие предприниматели назвали новорожденное издательство именем суицидальной вдовы, выглядит абсурдным. Алконост-зимородок тоже мало что проясняет, хотя сюжет, с ним связанный, пользовался на Руси большой популярностью. История про Алкиону, ставшую зимородком⁸, была подробно изложена в “Метаморфозах” Овидия [15] и укоренилась в византийской, а потом русской культурной традиции благодаря христианской трактовке, данной св. Василием Великим в “Беседах на Шестоднев”: “Есть морская птица – зимородок. Она имеет обычай вить гнездо у самых берегов, кладет яйца на песке и сидит в гнезде среди зимы, когда от частых и сильных ветров море выплескивается на сушу. Но вдруг умолкают ветры, и морская волна не движется, пока в течение семи дней зимородок сидит на яйцах, ибо во столько дней выводит он своих птенцов. Поскольку же им нужна и пища, то великодаровитый Бог дал ему малейшему животному и другие семь дней на возвращение птенцов. Это знают все мореплаватели, почему и называют дни сии зимородковыми [Или алционическими. Это 7 дней пред зимним солнцестоянием, и столько же дней после оно́го]. Все сие узаконено промышлением Божиим о бессловесных в научение тебе, чтобы ты просил у Него нужного ко спасению. Какие чудеса не совершаются для тебя, созданного по образу Божию, когда Бог для такой малой птицы удерживает великое и страшное море, повелев ему быть тихим среди самой зимы?” [16, с. 228–229].

Как показано в работах О.В. Беловой, в древнерусской книжности Алкион/Алконост был «одним из популярных персонажей “баснословного зверинца”»: «Сборники содержат два варианта легенды об этой птице, которая выводит птенцов в середине зимы на берегу моря или же вообще сносит яйца свои в глубину вод. Первый вариант легенды восходит к “Шестодневу” Иоанна Экзар-

⁸ Стоит также отметить, что в древнегреческой мифологии имя Алкиона носит не только превращенная в зимородка жена Кеика, но и одна из семи Плеяд, причем самая яркая звезда в созвездии. “Звездная” Алкиона-Плеяда для названия издательства подходила бы, конечно, больше. Однако в России уже было издательство “Альциона” (1910–1923), руководимое А.М. Кожебаткиным и тоже ориентированное на писателей-символистов, о чем Алянский прекрасно знал: рассказывая о своих визитах в Москву по делам книготорговли, он вспоминал, что побывал «в издательствах, в которых надеялся найти нужные нам книги: у Сабашниковых, в “Скорпионе”, в “Мусагете”, в “Альционе” и в других издательствах, выпускавших книги современных писателей» [6, с. 23].

ха Болгарского (и птица соответственно именуется *алкион*, как и в “Шестодневе”); второй основан на “Толковой Палее” (и птица зовется *алконост*)» [17, с. 100] (см. также [18]). Алконост изображался птицей, “лишенной каких бы то ни было человеческих черт”, “с хохолком на голове, сидящей на поверхности воды”, неподалеку от уходящих в глубину ее трех больших желтых яиц [17, с. 100–102].

Однако начинающий издатель вряд ли мог даже мечтать о том, что высшие силы ради его “детища” будут “удерживать великое и страшное море” исторической стихии. И вряд ли он, пытаясь объединить маститых писателей-символистов, мог мыслить себя птицей, несущей яйца-книги, а своим еще только потенциальным авторам отводить роль птенцов, которых он будет кормить, холить и лелеять. Забегая вперед, отметим, что уже менее чем через год, когда издательство постановило выпуск книг “на поток” и обрело хорошую репутацию, писатели, печатавшиеся у Алянского, созрели до признания себя птенцами гнезда “алконостова” (см. записи 1919 г. в альбоме С.М. Алянского, хранящемся в Государственном историко-литературном и природном музее-заповеднике А.А. Блока в Шахматово). Но в период организации издательства подобное позиционирование выглядело бы слишком дерзким и самонадеянным, а, как известно, ни дерзостью, ни самонадеянностью Алянский не отличался.

Конечно, мысленному взору молодых книголюбов С.М. Алянского и В.В. Васильева виделась не вдова, не птица-зимородок с хохолком на голове, а прекрасная птица-дева. И не просто сказочная, как говорится в КЛЭ, но та, которая “близь рая пребывает” [19, с. 469] и чарует людей дивным пением. “Алконост – сказочная райская птица, с человеческим лицом, изображавшаяся на наших лубочных картинах”, – поясняется в “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И. Даля [20, т. I, с. 11]. Нет нужды доказывать знакомство Алянского с этим “персонажем”, так как “изображения сладкоголосых полуптиц-полудев” являлись, как отмечено в исследовании Е.И. Иткиной, “излюбленными сюжетами рисованного лубка” [21, с. 18]. К тому же, “сюжеты эти имели хождение и в печатных лубках. Выпускались они начиная с середины XVIII века и на протяжении всего XIX столетия. Художники рисованных листов не только повторяли гравированные картинки, используя уже готовую композиционную схему, но и разрабатывали сюжеты с райскими птицами самостоятельно” [21, с. 18–19].

XX век внес свою немалую лепту в популяризацию образа Алконоста. Широко тиражировались цветные и черно-белые почтовые открытки с изображениями собственно лубочного Алконоста (их производством активно занимались типо-

графии Л.А. Гребнева, Г.К. Горбунова и др.), а также стилизованного под лубок рисунка работы И.Я. Билибина⁹.

Райская птица Алконост во всех смыслах прекрасно подходила для названия издательства. Во-первых, благодаря легенде о ее сладкоголосом пении: “<...> кто во близости ее будет, той все в мире сем забудет, тогда ум от него отходит, и душа его истела исходит...” [19, с. 486] (см. также [22, 17]). Сладкоголосое пение воспринималось как метафора поэтического творчества, что прекрасно рифмовалось с желанием Алянского издавать книги известных поэтов. Во-вторых, Алконост часто изображался держащим в руке свиток с начертанным на нем изречением [19, с. 487] (см. также [22]). Получалось, что Алконост имеет непосредственное отношение еще и к слову написанному, напечатанному¹⁰. Следует также учитывать, что “издательский портфель” Алянского на момент выбора состоял лишь из одной книги: поэмы Блока “Соловьиный сад”. А блоковский образ “соловьиного сада” и являлся аналогом того Рая, вблизи которого, как следует из лубочных надписей, птица Алконост пребывает... Таким образом, с точки зрения ориентации на Блока, лубочный Алконост также был более чем уместен.

И все же наличие многочисленных лубочных изображений Алконоста не дают ответа на основной вопрос: почему Алянский, перелиставший в библиотеке Л.И. Жевержеева тысячи книг, переписавший на карточки их выходные данные, а значит, знавший сотни названий различных издательств, стал искать название для своего предприятия именно в мире народных картинок, почему, в конце концов, он остановил выбор именно на райской птице Алконост?

3.

Думается, что основной причиной появления райской птицы Алконост в названии издательства стала отнюдь не любовь Алянского к орнитологии или народной культуре, а сложившаяся к 1918 г. ситуация на литературно-издательском рынке. И важнейшим фактором, побудившим Алянского обратиться к образу, навеянному лубком, оказалось закрытие в 1915 г. петербургского

⁹ Огромной популярностью пользовалась и художественная открытка, репродуцирующая картину В.М. Васнецова “Сирин и Алконост”: только в издательстве общины Святой Евгении она выдержала минимум шесть переизданий [22, с. 144–149].

¹⁰ Ср. в стихах Н.А. Клюева: “Золотые деревья / Свесят гроздьями созвучья, / Алконостами слова / Порассядутся на сучья. / Будет птичница-душа / Корм блюсти, сторожары пуха, / И виссонами шурша, / Стих войдет в Чертоги Духа” (“Миллионам ярых ртов...”); “У Алконоста перья – строчки, / Пушкинки – звездные слова...” (“Меня Распутиным назвали...”). См. анализ образов Алконоста и Сирина в поэзии Н.А. Клюева в статье О.В. Пашко [23, с. 99–109].

издательства “Сирин”, традиции которого, как мы попытаемся показать, “Алконост” собирался продолжить.

Основанное в 1912 г. крупным промышленником и чиновником особых поручений при директоре Императорских театров М.И. Терещенко и двумя его сестрами (Пелагеей и Елизаветой), издательство “Сирин” также сделало ставку на символистов и провело показательную “объединительную” акцию, собрав в альманахах “Сирин” (1913–1914) произведения крупнейших представителей этого литературного направления: Андрея Белого (роман “Петербург”), Александра Блока (драма “Роза и Крест”), а также А.М. Ремизова, Федора Сологуба, Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова, Зинаиды Гиппиус. Кроме того, “Сирин” заявил о себе на издательском рынке программой выпуска многотомных “репрезентативных” собраний сочинений, дарующих авторам как материальное благополучие (гонорары были щедры), так и статус классиков. Планировались 20-томное собрание сочинений Ф. Сологуба, 25-томное – В.Я. Брюсова, обсуждался вопрос о тридцатитомнике Андрея Белого, а также о его собрании стихотворений [24, с. 70–71]. «Терещенко собирался, разумеется, издать и собрание сочинений Блока, но тут вышла неудача: издательство “Сирин” прекратило свою деятельность по случаю войны, и сочинения Блока остались под спудом» [25, с. 137].

К огромному огорчению сгруппировавшихся вокруг “Сирина” литераторов, в 1915 г. Терещенко вынужден был издательство закрыть, предпочтя вложить деньги в военную промышленность, организацию сети госпиталей и прочие мероприятия, более актуальные во время Мировой войны, нежели пропаганда русского символизма. Собрания сочинений Брюсова и Сологуба оказались незавершенными, “Собрание стихотворений” Блока было «начато набором и приостановлено (сохранились корректурные листы), “Собрание стихотворений” Андрея Белого осталось в виде издательского макета» [24, с. 75].

Следует отметить, что Блок и Терещенко испытывали друг к другу чувства взаимной симпатии и уважения. В основе их дружбы лежала вера поэта в успех издательского предприятия, начатого Терещенко. И – не просто вера: Блок стоял у самых истоков деятельности “Сирина” (главным редактором издательства был Иванов-Разумник) и принимал в его работе активнейшее участие (например, всемерно содействовал публикации романа “Петербург” и установлению личных отношений Терещенко с Андреем Белым). “Издательство помещалось на Пушкинской. Каждую субботу в редакции собирались ближайшие сотрудники альманахов, выходивших по мере накопления материала. Ал. Ал. не пропускал почти

ни одного собрания. <...> Отношения с Терещенко становились все душевнее. Ал. Ал. познакомился с матерью и сестрами Мих. Ив. еще прошлую зиму и теперь продолжал бывать в его доме на Английской набережной. <...> При выборе того, что печаталось как в альманахе, так и в отдельных изданиях, он руководствовался советами Ал. Ал.” – вспоминала М.А. Бекетова [25, с. 125].

Нетрудно заметить, что издательская программа Алянского, состоявшая, прежде всего, в стремлении объединить писателей символистского лагеря, напрямую наследовала программе “Сирина”. В значительной степени пересекался и круг авторов обоих издательств. Похожей была роль Блока при Терещенко и при Алянском: роль авторитетного советчика, духовного наставника и старшего товарища. Даже организационная деятельность Блока в “Сирине” и в “Алконосте” строилась по сходной схеме: первым делом Блок сводил издателей с плодовитым и легко втягиваемым в издательские проекты Андреем Белым...

Впрочем, очевидны и серьезные отличия. Например, то, что Терещенко был богат, а Алянский беден, но для голодающих писателей благом были и те гонорары, на которые они могли рассчитывать у Алянского. Или – то, что Алянский, в отличие от Терещенко, не объявлял громогласно о планах по изданию масштабных собраний сочинений символистов. Последнее, конечно, очень существенно, но, на наш взгляд, объясняется условиями послереволюционной России: нестабильность, дефицит бумаги, цензура и пр. Однако не объявлял – не значит, что не задумывал, что не планировал. Ведь на деле он выпустил шесть книг Андрея Белого, более двадцати книг Блока... Фактически это и были собрания их сочинений, правда без серийного оформления и без сквозной нумерации.

Конечно, ориентацию Алянского на Блока и Белого можно списать на его вкусовые пристрастия. Но дело, кажется, только этим не исчерпывается. Не может не обратить на себя внимания тот факт, что “Алконост” начал массированно издавать именно тех двух авторов, собрания сочинений (или стихотворений) которых собирался, но не успел выпустить закрывшийся “Сирин” – то есть Белого и Блока.

Вряд ли это могло быть чистой случайностью. О том, что Алянский изначально мыслил многотомными собраниями сочинений, косвенно свидетельствует описанный им в воспоминаниях первый разговор с Белым. Издатель (как и в случае с блоковским “Соловьиным садом”) попросил дать для выпуска отдельной книгой недавнюю газетную публикацию поэмы “Христос воскрес”, но этой программой-минимум не ограничился. Выслушав рассказ писателя о жизни в Дорнахе,

Алянский сразу же предложил ему долгосрочный проект: «<...> когда вы напишете об этом книгу, ее нужно издать в “Алконосте”, и обо всех кризисах нужно написать книгу или ряд книг для “Алконоста”» [6, с. 52]. С Вяч. Ивановым Алянский тоже сразу договорился об издании двух книг: “Песен смутного времени” и поэмы “Младенчество” [1, с. 14], а потом выпустил еще и трагедию “Прометей”.

Что же касается издания собрания сочинений Блока, то этой мечты Алянский не скрывал, к ней стремился и, в конце концов, смог ее осуществить, хоть и не в самом полном, не в самом идеальном варианте. За право закончить незавершенное издательством “Земля” трехтомное собрание стихотворений Блока [26, 27] он начал отчаянно биться с Госиздатом еще в 1918 г. и победил, выпустив в 1921 г. заветный третий том [28; 29, с. 397–398] (см. также [2, с. 534–536; 5; 6, с. 39]). А после кончины поэта он напечатал семь томов настоящего, уже им подготовленного блоковского собрания сочинений [30]. И, что символично, это были последние книги “Алконоста”...

Все это указывает на то, что Алянский ориентировался именно на издательство “Сирина”¹¹ и что намерение продолжить дело “Сирина”¹² Алянский декларировал, назвав издательство именем райской птицы Алконост. Ведь Сирина в русской народной традиции – тоже райская птица-дева, чарующая людей райским пением. Она еще чаще, чем Алконост, изображалась на лубочных картинках и почтовых открытках. Причем, четко закрепленных иконографических различий между обеими лубочными райскими птицами-девами не было. Правда, иногда специалистами отмечается различие в головных уборах Сирина и Алконоста, иногда указывается, что Алконост имеет руки, а Сирина не имеет... Но нередко встречаются изображения и с безруким Алконостом, и с рукастым Сирином, так что при отсутствии подписи на картинке определить, кто из райских птиц кто, весьма затруднительно. Вместе, как зеркально симметричные двойники, они весьма часто и изображались, что, кстати, отмечено в качестве общего места даже у В.И. Даля (в

словарной статье о Сирине): “есть лубочные картины, изображающие райских птиц сирина и алконоста (сирена?), с женскими лицами и грудью” [20, т. IV, с. 188] (см. рис. 1, 2, 3).

Принципиально важно подчеркнуть, что в русской народной традиции не было не только иконографического, но и функционального противопоставления птицы Сирина и птицы Алконоста: «У некоторых исследователей, – пишет Е.И. Иткина, – а также в обыденном сознании сложилось довольно устойчивое представление, что в народном искусстве Сирина – птица радости, а Алконост – птица печали. Это противопоставление неверно, оно не опирается на реальную символику этих образов. Анализ литературных источников, где фигурируют птицедевы, а также многочисленных памятников народного искусства (росписи по дереву, изразцов, вышивок) свидетельствует, что нигде Алконост не трактуется как птица печали. Вероятно, это противопоставление имеет своим истоком картину В.М. Васнецова “Сирина и Алконост. Песня радости и печали” (1896), на которой художник изобразил двух птиц: одну – черную, другую – светлую, одну – радостную, другую – печальную. Более ранних образцов противопоставления символики Сирина и Алконоста нам не встречалось, и следовательно, можно считать, что оно пошло не от народного, а от профессионального искусства, которое в своем обращении к русской старине использовало образцы народного искусства, не всегда достаточно верно понимая их содержание» [21, с. 19].

Можно сказать, что Сирина и Алконост традиционно выступают как близнецы-братья или, точнее, как близнецы-сестры. На этом неразличении, видимо, и сыграл Алянский, сигнализируя названием нового издательства о продолжении им дела издательства “Сирина”. Это, во-первых, отражало реальные намерения Алянского, а во-вторых, было умно и дальновидно с точки зрения привлечения будущих авторов, в недавнем прошлом печатавшихся в “Сирине” или “Сирину” симпатизировавших.

В этом плане показательна реакция А.М. Ремизова, тесно сотрудничавшего и с “Сирином”, и с “Алконостом”. В 1912 г., по случаю организации издательства Терещенко, он завел специальную тетрадь (так называемую “сириновскую” тетрадь), в которой рассказывал, как придумывалось название, как заключались договоры на собрания сочинений и пр. В качестве преамбулы к собственному дневниковым записям Ремизов в свойственной ему декоративной манере сделал выписки о Сирине из известных источников, в том числе – из так называемого Русского Хронографа 1512 г. и из “Русских народных картинок” Д.А. Ровинского:

¹¹ Можно добавить, что так же, как в “Сирине”, в качестве места издания на книгах “Алконоста” значился не Петроград, а канувший в Лету Петербург. К тому же, пока это было возможно (практически весь 1918 г.), “Алконост” печатал книги по привычной старой орфографии (что для его первых авторов, например, для Вяч. Иванова и А. Блока, было крайне важно). Впрочем, эти две особенности показывают, что Алянский ориентировался не только на издательство “Сирина”, но и – шире – на традицию дореволюционных символистских издательств вообще.

¹² В мемуарах Алянский не упоминает ни имени Терещенко, ни названия его издательства. Причины такого умолчания понятны: ведь Терещенко стал министром Временного правительства, был арестован, а после “чудесного” освобождения эмигрировал.

Рис. 1. Птица райская Алконост. Лубок.

Рис. 2. Птица райская Сирина. Лубок.

“Птица райская Сирина, глас ея в пении зело силен; на востоце в раю пребывает, непрестанно пение красно воспевае; праведным будущую радость возвещает, – которую Бог святым своим обещает.

Временем вылетает и на землю к нам, сладко-песниво поет, якоже и там всяк человек во плоти живя, не может слышати песни ея; аще и услышит – то себе забывает и, слушая пение, так умирает” [31, с. 233–234].

В 1919 г. в рукописном альбоме, заведенном Алянским в связи с юбилеем “Алконоста”, Ремизов выступил в аналогичном жанре – сделал записи, всесторонне поясняющие и обыгрывающие смысл названия издательства. И примечательно, что в одной из них он обратился к тем же источникам, что и в “сириновской тетради”:

“Птица райская алконост близь рая пребывает, некогда и на Эфрате реце бывает. Егда же в пении глас испускает, тогда и сама себя не ощущает. А кто во близости ея будет, тот все в мире сем забудет. Тогда ум от него отходит и душа его из тела исходит. Таковыми песнями святых утешает и будущую им радость возвещает <...>” (Государственный и природный музей-заповедник А.А. Блока в Шахматово; ср.: [19, с. 495–496]).

Получилось почти одно и то же: и Сирина – райская птица, и Алконост – райская птица...

Подводя итог сказанному, можно, обыгрывая известные строки Маяковского, сформулировать изначальную мысль Алянского следующим образом: говорю Алконост – подразумеваю Сирина.

4.

Название, придуманное Алянским, оказалось крайне удачным и продуктивным. Почти сразу Алконостом (или Альконостом) стали за глаза и в лицо именовать самого Алянского (как, кстати, ранее называли М.И. Терещенко – “Сирина”). К тому же писатели, литераторы и деятели искусства, печатавшиеся в “Алконосте” или к Алянскому расположенные, дружно взялись интерпретировать, осмыслять и переосмыслять название издательства. В уже упоминавшихся юбилейных альбомах Алянского зафиксированы многообразные опыты подобного переосмысления: патетические и юмористические, опирающиеся на древнегреческую мифологию и современную жизнь, на лубочную традицию и на ее развитие в культурной практике.

Такого рода углубление, расширение и, в конечном счете, обогащение семантики названия издательства началось практически сразу после того, как оно было придумано и объявлено – с момента создания издательской марки “Алконоста”.

Рис. 3. Птица райская Алконост и птица райская Сирин. Лубок.

Эта знаменитая издательская марка была заказана Юрию Анненкову, с которым Алянский вместе учился в гимназии. Из истории создания марки известно – опять-таки из мемуаров Алянского – только то, что сделана она была очень быстро. Времени на дискуссии, видимо, не оставалось, но, без сомнения, художник знал (хотя бы в общих чертах) и издательские планы Алянского, и то, что издательство дебютирует поэмой Блока “Соловиный сад”.

Алянский-мемуарист не отметил, что марка Анненкова претерпела некоторую эволюцию. Ее первый вариант украшал “Соловиный сад” Блока, “Кризис жизни” Белого, “Младенчество” Иванова... (рис. 4). Новый вариант был сделан Анненковым для поэмы “Двенадцать” (с его же иллюстрациями) и с тех пор фигурировал на всех

последующих изданиях “Алконоста”, став знаменитым фирменным знаком (рис. 5).

На отличия двух вариантов издательской марки, конечно, обращалось внимание, но прежде всего фиксировалось исчезновение надписи «Издательство “Алконост”» под рисунком. Снятие надписи объяснялось тем, что издательство приобрело известность и надпись стала неактуальна [1, с. 61]. Другие изменения списывались на требования художественного единства книжного знака и иллюстраций к “Двенадцати”. Однако при самом беглом взгляде на двух Алконостов, созданных Анненковым, становится очевидно, что их отличия более существенны и носят характер идеологический, концептуальный.

Крылатое существо, столь экспрессивно изображенное художником, и в первом варианте отнюдь не походило на райскую птицу, а во втором –

Издательство „АЛКОНОСТЬ“.

Рис. 4. Марка издательства “Алконост”. Первый вариант. Худ. Ю. Анненков.

Рис. 5. Марка издательства “Алконост”. Второй вариант. Худ. Ю. Анненков.

вовсе помрачнело. Если в первом варианте были прорисованы кроны и листва деревьев (они с некоторой натяжкой могут служить намеком на то, что птица Алконост “близь рая пребывает”), то во втором – они исчезают (глухой черный фон вызывает не райские, а скорее inferнальные ассоциации). На лице обоих Алконостов застыло выражение ужаса, во втором варианте усиливающееся. Трудно представить, что изо рта этого анненковского Алконоста исходят сладостные, чарующие звуки райского пения. Широко открытый рот придает лицу птицы-девы некоторое сходство с маской античной трагедии...

Примечательно, что лубочная традиция в издательской марке “Алконоста” не просматривается вовсе (нет даже привычного нимба над головой), но зато, как кажется, проступает другой источник анненковского вдохновения: картины В.М. Васнецова. Это картина “Сирин и Алконост. Песнь Радости и Печали”, написанная в 1896 г. (рис. 6), и “Гамаюн – птица вещая”, созданная в 1895 г. (рис. 7). Наклон головы у анненковского Алконоста такой же, как у васнецовского Гамаюна, открытый рот – как у васнецовской “птицы печали”, положение крыльев отсылает одновременно к обеим картинам.

Обе работы Васнецова демонстрировались на персональной выставке 1899 г., проходившей в залах Академии художеств в Петербурге, и стали сенсацией. Анненков отмечает в “Дневниках моих встреч”, что это была первая художественная выставка, на которую его отвел отец, первая выставка, им вообще увиденная, а потому особенно запомнившаяся [32, с. 36]. О ее посещении рассказывает он и в автобиографической “Повести о пустяках”: «Вместе с отцом Коленька едет на вы-

ставку картин, первую выставку, какую он видит в жизни. Держась за руки, они блуждают по залам Академии Художеств, останавливаясь перед огромными полотнами: “Три богатыря”, “Витязь на распутье”, “Битва”, “Гамаюн”, “Сирин”, “Алконост”. Иван Павлович объясняет содержание картин, говорит о былинах, о древних богатырях, о вещих птицах, о сказителе Рябинине» [33, с. 33]. Примечательно, что васнецовские “Сирин”, “Алконост”, “Гамаюн” названы Анненковым в числе навсегда потрясших его¹³.

Обе картины внесли огромный вклад в развитие русской неомифологии. Так, напомним, что именно Васнецов сделал привычным противопоставление Сирина Алконосту – по цвету, выражению лица и, наконец, тональности пения: одна птица, как указано в подзаголовке, исполняет песнь радости, другая – песнь печали [21, с. 18–19]¹⁴. Что же касается птицы Гамаюн, то и здесь Васнецов выступил новатором, фактически придумав ее визуальный облик. Птица Гамаюн не имеет греческих или славянских корней (она – иранского происхождения), в русских народных картинках не встречается, ее изображения вообще крайне редки и не имеют ничего общего с птицей-девой (так, например, Гамаюн в виде безно-

¹³ Об увлеченности юного Анненкова васнецовскими образами писал в 1922 г. искусствовед и биограф художника М.В. Бабенчиков: “Картины героического эпоса произвели на ребенка ошеломляющее впечатление, почти на целый год полонив его воображение. У матери художника, сохранившей его детские альбомы, уцелел ряд рисунков, являющихся вариантами на васнецовские темы” [34, с. 79].

¹⁴ Это противопоставление так прочно закрепилось еще и потому, что почтовые открытки с изображением васнецовских “Сирина и Алконоста” выходили в России огромными тиражами. См. примеч. 9.

Рис. 6. Сирин и Алконост. Песнь радости и печали (1896). Худ. В. Васнецов.

гой птицы, сидящей, к тому же, не на райском древе, а на пушечном жерле, украшал древний герб Смоленска... [35, с. 43–53]¹⁵.

Васнецовская мифологическая “орнитология” на долгие годы (вплоть до настоящего времени) стала для российской культуры могучим творческим импульсом. Молодого Блока она, как известно, вдохновила на создание в том же 1899 г. двух стихотворений, одноименных васнецовским картинам. И конечно, соблазнительно было бы предположить, что Анненков, делая издательскую марку, ориентировался не просто на картину Васнецова “Сирин и Алконост”, но и на ее интерпретацию Блоком:

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.
<...>

И нега мощного усилия
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распушит крылья
И улетит в снопах лучей!

Другая – вся печалью мощной
Истощена, изнурена...

Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над ее ветвистым тронem
Нависло черное крыло...
Вдали – багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...

Однако, увы, стихотворение “Сирин и Алконост” было опубликовано только в 1919 г. Зато другое, навеянное живописью Васнецова, – “Гамаюн, птица вещая” – было хорошо известно, так как появилось в печати еще в 1908 г., многократно перепечатывалось и входило во все прижизненные собрания стихотворений поэта.

А так как васнецовская “птица печали” весьма похожа на васнецовскую же “птицу Гамаюн”, то допустимо следующее парадоксальное предположение: сделанная Анненковым издательская марка содержит явные аллюзии не только на картины Васнецова, но и на знаковое стихотворение Блока “Гамаюн, птица вещая”. Как кажется, художник не просто “иллюстрировал” его, но и актуализировал, превратив юношеское стихотворение любимого поэта в пророчество о сегодняшней революционной России:

На глазах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облаченных
Она вещает и поёт,
Не в силах крыл поднять смятённых...

¹⁵Со смоленской геральдикой связано большинство из немногих известных изображений птицы Гамаюн. См. их воспроизведение в работе Ю.Л. Воротникова “Сирин, Алконост, Гамаюн, или Райские птицы Древней Руси” [35, с. 48, 50]. Там же приведена гравюра из Лицевого Букваря Кариона Истомина, на которой птица Гамаюн – не только безнога, но и бескрыла [35, с. 44].

Рис. 7. Гамаюн – птица вещая (1895). Худ. В. Васнецов.

Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

В пользу гипотезы об аллюзивной природе издательской марки и ее связи со стихотворением Блока говорит, на наш взгляд, то, что именно у Анненкова, а не у Васнецова лицо птицы “предвечным ужасом объято”, что именно у Анненкова в гораздо большей степени, чем у Васнецова, птица оказывается “не в силах крыл поднять смятенных”. Согласно легенде, если птица Гамаюн падает с небес на землю, если не может взлететь – значит, быть большой беде. Собственно в этом ее

пророческий, вещий дар прежде всего и состоит... В отличие от любящих рассестись на деревьях Сирина или Алконоста, птица Гамаюн всегда должна быть в полете. На ее непригодность к земному существованию указывает древний иконографический признак вещей птицы – у нее нет ног. Васнецов, кстати, этим демонстративно пренебрегает и ноги рисует, а вот Анненков сначала, в первом варианте марки, ногу прорисовывает, а во втором – нет, оставляя лишь крылья, которые силятся, но не могут поднять птицу в небо.

В общем, если признать возможность подобного сращивания смыслов, то получится следующее: если Алянский, говоря Алконост, подразумевал птицу Сирина, то Анненков – птицу Гамаюн...

5.

Блок также внес вклад в развитие “алконостовской” мифологии. В первом же номере альманаха “Записки мечтателей”, изданном Алянским в начале 1919 г., он напечатал то самое стихотворение “Сирин и Алконост”, которое пролежало в его архиве без малого 20 лет. Кстати, год создания стихотворения в алконостовском альманахе не был обозначен. Безусловно, эта публикация была шагом преднамеренным, “мифотворческим” и имевшим “мифологические” последствия. Так, в 1922 г. в рецензии на четвертый выпуск “Записок мечтателей” (в нем были помещены некрологи Блоку), опубликованной в журнале “Книга и революция”, название издательства Алянского обыгрывается уже исключительно в блоковском ключе: “<...> журнал родился и жил под благодатным знаком Блока. И когда умер Блок, птица-Печаль, Алконост, пропела скорбную песнь о кончине его” [36, с. 22].

Но вернемся в 1918 г., к периоду создания издательства, когда блоковское стихотворение еще не было известно ни создателю издательской марки Анненкову, ни Алянскому. Судя по мемуарам последнего, он не обсуждал с Блоком обступившие его “трудности”, а сразу принес на утверждение “выбранные типографские украшения, шрифт для набора поэмы, марку издательства”. “Все это, – вспоминает он, – получило одобрение Александра Александровича” [6, с. 45].

Однако изначальная поддержка Блоком названия издательства отнюдь не означала изначального полного согласия Блока с пониманием образа Алконоста Алянским, который, как мы старались показать, соблазнился прежде всего сходством двух райских птиц: Сирина и Алконоста. На это несогласие указывает запись, сделанная Блоком 1 марта 1919 г. в юбилейном альбоме Алянского: «Дорогой Самуил Миронович! Сегодня весь день я думал об “Алконосте”. Вы сами не знали, какое имя дали издательству. Будет “Ал-

коност”, и будет он в истории, потому что все, что начато в 1918 году, в истории будет, и очень важно то, что начат он в июне (а не раньше), потому что каждый месяц, если не каждый день этого года – равен году или десятку лет. Да будет “Алконост”» [2, с. 531; 3, с. 24].

Если из этого текста убрать поздравительную риторiku и революционную патетику, то останется намек на необходимость иной, более широкой и, возможно, более актуальной трактовки образа, ставшего названием последнего символистского издательства. Безусловно, стихотворение “Сирин и Алконост” такую дополнительную трактовку давало, но не исчерпывало.

В этом плане несомненный интерес представляет яростная публицистическая заметка, написанная Блоком в феврале 1921 г. и направленная против попыток государства закрыть частные издательства. Доказывая право “Алконоста” на существование, Блок объясняет:

«Тот факт, что вокруг него [издательства “Алконост”] соединились писатели, примыкающие к символизму, объясняется лишь тем, что именно эти писатели по преимуществу оказались носителями духа времени. Группа писателей видит размеры развертывающихся мировых событий, наступление которых она **предчувствовала** и **предсказывала**. Поэтому она обращена лицом не к прошедшему, тем менее – к настоящему. Она с тревогой всматривается в будущее. Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и **вещей** русской птицы, которое оно носит» (выделено нами – М.С.) [2, с. 532].

Поразительным в этом документе является то, что “сумрачная и вещая русская птица” – отнюдь не Алконост, к которому эпитет “вещий” никогда не прилагался, а, конечно же – Гамаюн... И Блок знал это лучше, чем кто бы то ни было, так как сам же вслед за Васнецовым прославил ее вещий дар в стихотворении “Гамаюн, птица вещая”... Очевидно, Блок совершенно сознательно подменил один образ другим (или, по меньшей мере, контаминировал образы), переосмыслив в духе времени символику придуманного Алянским названия издательства. Он фактически сформулировал то же, что, как мы пытались показать, сделал в издательской марке “Алконоста” Анненков (говорим Алконост – подразумеваем Гамаюн). Только, как и положено, художник использовал для этого визуальные средства, а поэт – словесные.

Случайно или нет такое совпадение – непонятно. Не исключено, что Алянский и здесь о чем-то умолчал, как, к сожалению, умолчал и о многом другом... Как бы то ни было, метаморфозы Алконоста (превращение райского Сирина в вещего Гамаюна) отвечали “духу времени”, к которому

соединившиеся вокруг Алянского писатели и деятели искусства были особенно чутки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глейзер М.М. Издательство “Алконост”. 1918–1923. Краткий историко-книговедческий очерк. Издательский библиографический каталог. Л., 1990.
2. Чернов А.И. А. Блок и книгоиздательство “Алконост” // Блоковский сборник [П]. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964.
3. Белов С.В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского. Л., 1979.
4. Белов С.В. Блок и первые послереволюционные издательства (“М. и С. Сабашниковых”, “Алконост”) // Литературное наследство. 1987. Т. 92 (Александр Блок: новые материалы и исследования). Кн. 4.
5. Е.Д. [Динерштейн Е.А.] Луначарский, Блок и “Алконост” // Вопросы литературы. 1969. № 6.
6. Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком / Предисл. К. Федина. М., 1969.
7. Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком / Предисл. К. Федина. М., 1972.
8. Алянский С.М. Встречи с Блоком (Из записок издателя) / Предисл. К. Федина // Новый мир. 1967. № 6.
9. Алянский С.М. Воспоминания о художниках книги / Предисл. С. Белова // Байкал. 1976. № 2.
10. Алянский С.М. Об иллюстрациях к поэме А. Блока “Двенадцать” (Глава из воспоминаний) / Публ., вступл., коммент. З.Г. Минц // Блоковский сборник [П]. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962. Тарту, 1964.
11. Цветаева М.И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 7 / Сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М., 1995.
12. Цветаева М.И. Неизданное: сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной, И.Д. Шевеленко. М., 1997.
13. Пильняк Б. “Мне выпала горькая слава...”: Письма 1915–1937. М., 2002.
14. Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962.
15. Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. С.В. Шервинского. Вступ. статья С.А. Ошерова. Прим. Ф.А. Петровского. М., 1977. (Библиотека античной литературы).
16. Святитель Василий Великий. Беседы на Шестоднев. М., 1999.
17. Белова О.В. Изображения животных в древнерусских лицевых сборниках и лубочных картинках // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3.
18. Белова О.В. О чудесной птице алконост // Русская речь. 1993. № 1.
19. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. 1. СПб., 1881.

20. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–1980.
21. Русский рисованный лубок конца XVIII–начала XX века. Из собрания Государственного Исторического музея / Сост. и автор текста Е.И. Иткина. М., 1992.
22. *Третьяков В.П., Гутерман А.А.* Возможности использования открыток для анализа некоторых явлений обыденного сознания россиян с 1890 по 1917 гг. // Клио. 2001. № 2.
23. *Пашко О.В.* Сирин и Алконост в поэзии Николая Клюева: К вопросу о влиянии на неё старообрядческих настенных листов // Православие и культура (Киев). 2002. № 1–2.
24. *Лавров А.В.* Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007.
25. *Бекетова М.А.* Александр Блок. Биографический очерк // *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке / Сост. В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский, вступ. статья С.С. Лесневского, послесловие А.В. Лаврова, прим. Н.А. Богомолова. М., 1990.
26. *Блок Александр.* Стихотворения. 1918–1921. Кн. 1 (1898–1904). Изд. 4-е. Пг.: Земля, 1918.
27. *Блок Александр.* Стихотворения. 1918–1921. Кн. 2 (1904–1907). Изд. 4-е, доп., Пг.: Земля, 1918.
28. *Блок Александр.* Стихотворения. Кн. 3 (1907–1916). Изд. 3-е, доп., Пб.: Алконост, 1921.
29. Неизданные письма А.А. Блока / Публ. и комм. З.Г. Минц // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1962. Вып. 119: Тр. по рус. и слав. филологии, 5.
30. *Блок Александр.* Собрание сочинений. [В 7 т.]. Пб. [Берлин]: Алконост, 1923.
31. “Сирин” – дневниковая тетрадь А. Ремизова / Вступ. статья, публ. и прим. А.В. Лаврова // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы* / Отв. ред. А.М. Грачева, А. д'Амелия. (Europa Orientalis. 4). СПб. – Салерно. 2003.
32. *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. Т. 2. М., 1992.
33. *Анненков Ю.П.* (Б. Темирязов) Повесть о пустяках / Коммент. А.А. Данилевского. СПб., 2001.
34. *Анненков Ю.П.* Портреты / Текст Е. Замятина, М. Кузмина, М. Бабенчикова. Пб., 1922.
35. *Воротников Ю.Л.* Алконост, Сирин, Гамаюн, или Райские птицы Древней Руси // *Воротников Ю.Л.* Слова и время. М., 2003.
36. *Альмединген Г.* Записки Мечтателей // Книга и революция. 1922. № 8.